

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосв. Саввы [Тихомирова], архиеп. Тверского [и Кашинского († 13 октября 1896 г.): Том 1. (1819–1850 гг.) Годы: 1846–1847] // Богословский вестник 1897. Т. 4. № 10. С. 321–336 (3-я пагин.). (Продолжение.)

— 321 —

сюда рѣшительное распоряженіе объ уничтоженіи штатовъ 1846 г. и преосвященный никого уже изъ студентовъ на вольныя мѣста не поставляетъ во священники или діаконы, а переводить старыхъ, лишившихся своихъ мѣстъ. Удивительно ли послѣ сего и соборному мѣсту отойти отъ насъ: оно не по прямой потомственной линіи принадлежитъ намъ; просить же теперь нельзя“.

14-го ноября даны были намъ по классу словесности, для мѣсячнаго, сочиненія слѣдующія темы:

1) „Необходимо-ли для успѣховъ русскаго просвѣщенія отрицаніе западной образованности?“

2) „О дружбѣ“.

Я писалъ сочиненіе на вторую тему и мысли свои изложилъ въ формѣ письма отца къ сыну. Читавшій мое сочиненіе профессоръ Е. В. Амфитеатровъ подписалъ на немъ: „Письмо исполнено чувствъ и разрѣшаетъ вопросъ основательно. Очень хорошо“.

Въ декабрѣ производились у насъ, по старинному обычаю, частныя испытанія по всѣмъ предметамъ. Къ экзамену готовились мы, большею частію, по запискамъ, сдаваемымъ за нѣсколько дней, а иногда и наканунѣ экзамена, наставниками. Труднѣе всего было для меня и слушать съ каедръ и за тѣмъ повторять по запискамъ лекціи профессора Амфитеатрова по предмету эстетики, такъ какъ наука эта для меня была совершенно новою, о которой въ семинаріи мы не имѣли и понятія.

Обыкновенною принадлежностію экзаменовъ, кромѣ устныхъ отвѣтовъ, были письменныя сочиненія. Поэтому 18-го и 21-го декабря были даны намъ для сочиненія слѣдующія темы:

1) „Num somnia possunt homini imputari?“ — и

2) „Объ отношеніи словесности къ цѣлямъ духовнаго образованія“.

Итакъ, съ Божією помощію, миновала первая, самая трудная для меня, треть перваго года академическаго курса. Отъ ежедневнаго посѣщенія всѣхъ, какъ утреннихъ, такъ и послѣобѣденныхъ уроковъ, и отъ напряженныхъ умственныхъ занятій въ кельѣ, я чувствовалъ почти постоянную тяжесть въ головѣ, и въ слѣдствіе того нерѣдко испытывалъ мрачное расположеніе духа. Поэтому я ощущалъ

1847 г. существенную потребность въ отдохновеніи и нѣкоторомъ развлеченіи. Къ счастью, я имѣлъ возможность отправиться на Рождественскіе праздники къ доброму моему знакомому, Переславскому отцу архимандриту Нифонту.

22-го числа пріѣхалъ я въ Переславль. О. Нифонтъ принялъ меня очень радушно. На другой день, 23-го числа, онъ праздновалъ день своего ангела, у него было не мало городскихъ гостей. Въ Переславлѣ видѣлся я съ ректоромъ Владимірской семинаріи, отцомъ архимандритомъ Поликарпомъ. Онъ пріѣзжалъ на праздникъ въ свой Даниловъ монастырь. Здѣсь я лично повторилъ ему благодарность за споспѣшествованіе ко вступленію моему въ Академію.

Въ продолженіи двухнедѣльнаго пребыванія моего въ Переславлѣ я достаточно познакомился какъ съ городомъ, такъ и съ нѣкоторыми, болѣе значительными лицами духовными и свѣтскими. Въ Переславлѣ я встрѣтилъ и новый 1847 годъ.

7-го или 8-го января возвратился я изъ Переславля въ академію съ значительно обновленными и освѣженными силами—и душевными и тѣлесными.

Въ половинѣ февраля давы были намъ по классу логики слѣдующія темы для сочиненія:

- 1) „Опытъ выведенія всѣхъ категорій изъ одного начала, согласнаго съ духомъ откровенія“;
- 2) „Объ ограниченности чловѣческаго знанія, и“
- 3) „О практическомъ приложеніи логики“.

Я не писалъ сочиненія ни на одну изъ этихъ темъ, не помню, почему.

Въ это время совершилось въ нашей академіи очень важное событіе. Бывшій съ 25-го ноября 1841 г. ректоръ Московской духовной академіи архимандритъ Евсевій (Орлинскій) получилъ новое, высшее назначеніе. Указомъ св. Синода, отъ 17-го января 1847 года, онъ переведенъ на должность ректора Петербургской академіи съ назначеніемъ во епископа Винницкаго. 16 февраля лавра напутствовала будущаго епископа соборнымъ молебствіемъ и торжественнымъ звономъ, а наша осиротѣлая академія осталась въ томительномъ и напряженномъ ожиданіи новаго начальника.

14-го марта опредѣленъ ректоромъ нашей академіи ректоръ 1847
 Московской семинаріи, Законоспасскій архимандритъ Алексій (Ржаницынъ), замѣчательный по обстоятельствамъ своего постриженія въ монашество. Онъ постриженъ былъ среди академическаго курса, 12-го ноября 1837 года митрополитомъ Филаретомъ въ Чудовѣ монастырѣ, въ присутствіи Великаго Князя Константина Николаевича и Великихъ Княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ ¹⁾).

28-го числа писалъ я въ Муромъ тещѣ П. С. Царевской:

„Вы вѣрны самимъ себѣ: но и я не отступаю отъ своего слова. Вы просили меня, — я обѣщался писать къ вамъ, — и, по возможности, выполняю свое обѣщаніе.

„Поводомъ писать къ вамъ на сей разъ послужила для меня непріятная вѣсть о вашемъ положеніи. Одинъ сельскій діаконъ изъ-подъ Мурома, пріѣзжавшій въ лавру для свиданія съ сыномъ, сказывалъ мнѣ, что ваши семейныя дѣла доселѣ еще не устроены. Боже мой! какое новое искушеніе для васъ и для меня! Я думалъ, что ваши дѣла давно окончились благополучно, и ожидалъ было пріятнаго извѣстія о семъ: не тутъ-то было! Конечно, отчасти понятна для меня причина столь медленнаго хода вашихъ дѣлъ: но все-таки я никакъ не могъ ожидать того, что совершается теперъ. Что могу на этотъ разъ сказать вамъ въ утѣшеніе и ободреніе? Одно: да будетъ надъ вами воля Божія! Воли бо Его кто противится можетъ!

Не хочу много распространяться предъ вами касательно себя самого; скажу только, что, слава Богу, здоровъ и, сколько позволяютъ силы, занимаюсь своимъ дѣломъ.

„Съ истинною къ вамъ любовію и почтеніемъ честь имѣю пребыть—вашъ покорный сынъ“.

Съ перемѣщеніемъ ректора академіи послѣдовала у насъ перемѣна и инспектора. На мѣсто ректора Московской се-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ *Письмахъ м. Филарета къ архіеписку Алексію*, М. 1883 г. предисл. стр. VI. Назначеніе архим. Алексія на должность ректора академіи произвело въ Петербургской ученой сферѣ неблагоприятные толки. См. письма еп. Винницкаго Евсевія къ профессору А. В. Горскому (№ 1) въ *Дриб. къ Тв. св. Отцевъ* 1886 г., стр. 702—703. См. еще письма м. Филарета къ графу Протасову отъ 17 янв. и 5 апр. въ *дополн. томъ Собранія митрій и отзывовъ м. Филарета*, № 54. Спб. 1887 г.

1847 г. минаріи, опредѣленнаго, какъ выше было сказано, на должность ректора академіи, переведенъ былъ ректоръ Виоанской семинаріи, архимандритъ Филошей, а на его мѣсто въ Виоанію назначенъ былъ инспекторъ академіи, архимандритъ Евгеній; исправляющимъ же должность инспектора опредѣленъ былъ бакалавръ патристики іеромонахъ Пларіонъ Боголюбовъ (воспитанникъ XIII курса, т. е. 1842 года); но онъ не болѣе года исправлялъ должность инспектора.

28 го марта писалъ я въ Иваново племяннику, единовѣрческому діакону О. С. Виноградову, въ отвѣтъ на его письмо отъ 4-го числа:

„Христосъ воскресъ!

Вмѣстѣ съ симъ радостнымъ привѣтствіемъ, приношу вамъ мою усердную благодарность какъ за предварительное поздравленіе меня съ настоящимъ праздникомъ, такъ и за письменное увѣдомленіе о себѣ. За послѣднее тѣмъ болѣе благодаренъ вамъ, что вы одни только изъ родныхъ навѣщаете меня письмами: а на чужбинѣ получить вѣсть съ родной стороны—большое удовольствіе.

Теперь, въ свою очередь, и я подѣлюсь съ вами своими мыслями и чувствами. Для васъ, я думаю, среди обычныхъ подвиговъ, вовсе незамѣтно проходитъ праздникъ, особенно если духовное веселіе подъ часъ растворяется прозрачными каплями мірской радости: что касается до меня, то я и встрѣтилъ, и провожу праздникъ довольно грустно: причину сего понять не трудно. На праздникъ приглашалъ было меня одинъ изъ товарищей въ новый Іерусалимъ; но я отрекся отъ этого приглашенія. Думалъ было, среди праздника, съѣздить и въ Москву—посмотрѣть столицу; но и это отложилъ до другаго болѣе удобнаго времени. Праздничное время большею частію провожу въ обыкновенныхъ занятіяхъ — въ чтеніи и письмѣ: а безъ этого, мнѣ кажется, надобно было бы умереть отъ скуки. Выходить почти некуда; знакомыхъ въ лаврѣ у меня мало; да и почитаю излишнимъ заводить большое знакомство. Сегодня только на часъ — не болѣе, ѣздить въ Виоанію къ знакомому профессору. (Виоанія—это монастырь, при которомъ находится духовная семинарія — верстахъ въ трехъ отъ лавры).

Пріятно слышать, что вы посѣтили Муромъ и мое прежнее жилище; жаль только, что безъ меня. Въ вакацію предполагаю и я быть въ Муромѣ, если позволятъ обстоятельства. Недавно оттуда писали мнѣ, что дѣла моихъ семейныхъ все еще не устроены совершенно: впрочемъ, надобно ожидать, что скоро уже придуть къ концу. Шуйскій учитель Ландышевъ, который почему-то отказался было, согласился опять и, кажется, получилъ уже билетъ для вступленія въ бракъ.

Новаго у насъ по академіи только то, что на сихъ дняхъ ожидаемъ къ себѣ новаго ректора; прежняго взяли у насъ въ С.-Петербургъ“.

15-го апрѣля даны были намъ по классу гражданской исторіи слѣдующія темы для сочиненія;

1) По всеобщей исторіи:

а) „О вліяніи географическаго положенія земли на гражданское развитіе народа“.

б) „Въ какой степени справедлива мысль, что родъ человѣческій идетъ впередъ?“

в) „О причинахъ паденія древней Греціи“.

г) „Что способствовало возвышенію политическаго владычества папъ, и какое вліяніе имѣло ихъ могущество на Европу въ средніе вѣка?“

2) По русской исторіи:

а) „Можно-ли признать нѣкоторыя повѣствованія у Нестора сказочными?“

б) „О причинахъ быстрого успѣха Монголовъ въ завоеваніи Руси“.

в) „Разборъ духовнаго завѣщанія Дмитрія Донскаго“.

г) „Характеръ и цѣль сношеній Россіи съ западомъ Европы при Іоаннѣ III“.

д) „Нравственныя свойства Русскихъ XV и XVI вѣка по отзывамъ писателей иностранныхъ“.

При постоянномъ посѣщеніи всѣхъ классовъ и внимательномъ выслушиваніи ежедневно трехъ и четырехъ лекцій, я не могъ серьезно заниматься сочиненіями, при утомленныхъ силахъ. Между тѣмъ какъ мои юные товарищи спокойно и безъ зазрѣнія совѣсти опускали большую часть классовъ, и слѣдовательно больше моего сберегали времени и силъ для занятія сочиненіями, — моя священниче-

1847 г. ская совѣсть не позволяла мнѣ дѣлать эти опущенія, къ оскорбленію почтенныхъ наставниковъ.

25-го апрѣля писалъ мнѣ Абакумовскій другъ мой, М. Д. Граменицкій:

„Милый, незабвенный, любезнѣйшій

Иванъ Михайловичъ!

Христось воскрес!

Не буду теперь объяснять вамъ причинъ и обстоятельствъ, по которымъ не могъ доселѣ отозваться на ваше искреннѣйшее, сладостное и утѣшительное посланіе; спѣшу только, хотя краткимъ образомъ, сообщить вамъ мое усерднѣйшее къ вамъ почтеніе, чистосердечное уваженіе, любовь и преданность. Нѣсколько разъ собирался писать къ вамъ подробное увѣдомленіе обо всемъ,—но собраться доселѣ не могъ, и теперь пишу наскоро; пообстоятельнѣе бесѣдовать съ вами питаюсь надеждою, удостоиться лично, во время каникулъ. Если намѣрены побывать въ Муромѣ, а кажется нельзя утерпѣть вашему сердцу, чтобы не оросить слезою искренняго сожалѣнія священнаго праха вашей подруги, при первой возможности: то, другъ, не лишите прежняго знаконца, много васъ уважающаго, не лишите своего посѣщенія,—удѣлите, назначьте нѣсколько дней для моего осчастливленія. Какъ бы я ожилъ душею, какъ бы воспрянулъ сердцемъ! О, другъ, мое сердце не то, что было прежде; оно испепелилось отъ неприяностей. Это все вамъ сладостно желалъ бы сообщить лично...

Но только прошу васъ увѣдомьте одною чертою, могу-ли я надѣяться и когда ожидать васъ?..

Предъ Рождествомъ Христовымъ былъ я въ Муромѣ. Поклонившись въ соборѣ святымъ чудотворцамъ, грустно воспоминалъ о вашемъ здѣсь служеніи, вышедши изъ собора—съ смятеннымъ сердцемъ долго смотрѣлъ на домъ, гдѣ такъ счастливо наслаждался мирною жизнію съ доброю подругой мой искренной другъ,—и теперь ударомъ рока лишень счастія и блаженства земнаго—къ скорѣйшему достиженію блаженства небеснаго ¹⁾.

¹⁾ Случайно столкнувшись съ о. протоіереемъ Троицкимъ, былъ я имъ облаканъ, введенъ въ домъ, и слышалъ его искреннее объ васъ сожалѣніе, какъ о добѣйшемъ сослужителѣ.

Все, что чувствовалъ, мыслилъ и думалъ, будучи въ 1847 Муромѣ, теперь описать вамъ, по краткости времени, не рѣшаюсь и не могу. Много кивѣло въ моемъ сердцѣ священнаго, пріятнаго и грустнаго, смотря на Богохранимый градъ, гдѣ разцвѣтала моя юность.

Послѣ Пасхи я осчастливленъ посѣщеніемъ нашего общаго товарища по семинаріи Ѳедора Гавриловича Бѣляева. Опъ на пути изъ Москвы завернулъ ко мнѣ съ моимъ, по женѣ, родственникомъ Петромъ Васильевичемъ Приклонскимъ ¹⁾. Какъ я былъ осчастливленъ! только жалко, что счастье мое видѣть ихъ продолжалось не болѣе трехъ часовъ. Ѳедоръ Гавриловичъ въ Москвѣ у одного діакона сосваталъ себѣ невѣсту, — довольно по всему выгодно. Бракъ ихъ будетъ во время вакаціи. По обѣщанію его, надѣюсь еще увидѣть его у себя, — онъ поѣдетъ около Троицы къ своей возлюбленной невѣстѣ. Ѳедоръ Гавриловичъ сказывалъ, что тамъ же, въ Москвѣ, послѣ Пасхи женился и Михайло Димитріевичъ Никольскій ²⁾.

Мое семейство нѣсколько измѣнилось: 2-го октября родился у меня сынъ Дмитрій; 29-го генваря дѣдъ мой, маститый старецъ, скончался; прочее все по прежнему.

И самъ замышляю я, и даже не первый годъ, побывать въ вашу лавру для поклоненія преподобному Чудотворцу. Не отчаиваюсь совершенно въ своемъ намѣреніи; если буду имѣть возможность исполнить свое желаніе: то первое мое удовольствіе послѣ поклоненія святому Угоднику, увидѣть васъ, — искренняго, незабвеннаго друга.

Сколько я благодаренъ за ваше полное увѣдомленіе, — этого не могу и не рѣшаюсь высказать. Пріятно слышать о начатіи вами новаго періода жизни. Прому Господа Бога, да поспѣшитъ вамъ благополучно протечь трудный путь высокаго образованія, и да вознаградитъ достойнымъ возмездіемъ труды и терпѣніе ваше. Еще осмѣливаюсь сознаться передъ вами: въ вашей жизни я замѣчаю особенное дѣйствіе Промысла. Не скорбите о лишеніи невозвратимаго, съ надеждою на премудрый Промыслъ теките путемъ, вамъ предназначеннымъ, *тецуйте*, и достигнете...

¹⁾ Нынѣ Московскій протоіерей.

²⁾ Бывшій протоіерей гор. Москвы при церкви св. великомученицы Варвары, скончавшійся 27 іюля 1897 г.

1847 г. Такъ дерзаю совѣтовать вамъ отъ полноты сердца предапнаго вамъ—вашъ прежній сотоварищъ“.

15-го мая писалъ мнѣ изъ Мурома добрый пріятель мой, о. Матвѣй Шеметовъ:

„Позвольте на нѣсколько минутъ отвлечь ваше вниманіе отъ глубокомысленныхъ занятій вашихъ, чтобъ прочесть сіе посланіе друга вашего.

При семъ удобномъ и надежномъ случаѣ, я первымъ долгомъ поставилъ для себя извѣстить васъ о началѣ и ходѣ важныхъ дѣлъ въ кругу того семейства, въ коемъ вы были главою и питателемъ сирыхъ.

Вчерашняго дня, т. е. 14 го дня сего мая, былъ бракъ Екатерины В—ны (вашей свояченицы) съ Александромъ Пв—чемъ г. Орфановымъ. Студентъ сей изъ кончившихъ нынѣ въ нашей семинаріи. Бракъ былъ вѣнчанъ въ Крестовоздвиженской церкви о. Іаковомъ Андреевичемъ.

Прошу васъ покорнѣйше увѣдомить и насъ о чемъ-либо новенькомъ, ежели имѣется—и для васъ не обременительно“.

Племянникъ мой, Ивановскій единавѣрческій діаконь, О. С. Виноградовъ письмомъ отъ 20-го мая отъ лица всѣхъ родныхъ приглашалъ меня на каникулярное время къ себѣ въ гости.

По сколько по приглашенію, столько же и по движенію собственнаго чувства, я располагался провести первую академическую вакацію на родинѣ, въ кругу родныхъ и знакомыхъ; думалъ побывать и въ Муромѣ, на свѣжихъ еще могилахъ жены и сына. Объ этомъ предварялъ я письмомъ свою тещу; но вотъ какой укоризненный отвѣтъ получилъ отъ нея.

„Любезный нашъ Іоаннъ Михайловичъ!“,—писала она рукою младшаго своего сына—Николая, отъ 3-го іюня.

„Умоляю васъ самимъ Богомъ, не пріѣзжайте въ несчастный для меня и васъ Муромъ;—не прилагайте рану къ раиѣ; что это минутное свиданіе -- что принесетъ, кромѣ слезъ и горестей?... Я уже васъ считаю всѣхъ троихъ мертвыми—мужа, дочь и зятя,—они для меня невозвратны; одно мое желаніе — скорѣе увидѣться тамъ, въ будущей жизни; а вамъ совѣтую изгладить совершенно ваше намѣреніе ѣхать сюда, да и что за охота вамъ видѣть несчастное семейство?—скажете: жалко васъ и хладной могилы?—

нѣтъ, вы доказали это на опытѣ; не тронули васъ слезы, 1847 г. ни просьба: Богъ съ вами! — вы скажете: устроили дочь? Нѣтъ! я не устроила, а разстроилась; не знаю, какъ и пропитать малыхъ птенцовъ. Съ зятя и собора выдачи не будетъ, по милости вашего пріятеля, отца протопопа: онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи: учительство доставлено Сергію Андреевичу.

Молодой зять еще посвящается: не знаю, прійдетъ-ли къ празднику“.

За тѣмъ приложила собственноручную записку:

„Глубочайшее мое почтеніе Ивану Михайловичу; я вамъ ничего объ себѣ писать не стану, — не буду мѣшать вашему спокойствію. Что молить неумолимыхъ? пусть моя горестъ, мои жалобы замрутъ на устахъ моихъ!

Письмо ваше получено въ день Спасителя нерукотвореннаго; горестно для меня писаніе!... П. Ц.“

Прочитавши эти строки съ чувствомъ глубокаго огорченія, я рѣшилъ не заѣзжать въ Муромъ.

7-го іюня писалъ я въ Иваново къ роднымъ зятю и сестрѣ:

„Вашему общему желанію видѣть меня у себя отъ всей души готовъ я удовлетворить, если только Господь благословитъ. Учебныя дѣла наши окончатся къ 25-му сего мѣсяца; и я думаю отправиться въ путь немедленно по окончаніи дѣлъ.

За подарокъ вашъ, сестрица, усердно благодарю“.

Тутъ же приписалъ слѣдующія строки и къ племяннику О. С. Виноградову:

„Прощая вамъ вину вашу, самъ прошу у васъ прощенія въ томъ, что не пишу вамъ на сей разъ особеннаго письма. Писать хотѣлъ-бы вамъ и много: право нѣтъ свободнаго времени: занятъ постоянно приготовленіемъ къ экзамену; да при томъ разсчитываю и то, что гораздо пріятнѣе будетъ и мнѣ пересказывать, и вамъ слушать отъ меня о нашихъ академическихъ новостяхъ лично—за чашкой чаю. Потерпите немного: время свиданія нашего уже близко“.

Въ продолженіе іюня производились у насъ частныя экзамены, а между ними писаны были и такъ называемые экспромпты. 13-го числа дана была намъ для сочиненія слѣдующая латинская тема: „*Quam vim habet argumentum*

1847 г. *existentiae Dei a consensu omnium gentium desumptum*“?— 18-го числа другая на русскомъ языкѣ: „О вліяніи языка на развитіе мысли“.

21 и 23 числа были публичныя экзамены, на которыхъ присутствовалъ высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ Московскій. Въ первый разъ я удостоился видѣть этого, по истинѣ великаго мужа въ мартѣ мѣсяцѣ, когда онъ пріѣзжалъ въ лавру для освященія возобновленной трапезной церкви; но тогда я видѣлъ его издали, а теперь двукратно имѣлъ счастье бесѣдовать съ нимъ лицомъ къ лицу. Должно признаться, что мы на экзаменахъ видѣли въ святителѣ Филаретѣ не того строгаго и грознаго судію, какимъ онъ являлся здѣсь въ прежнее время, а простого и свисходительнаго отца. Не было тѣхъ вспышекъ и рѣзкихъ замѣчаній, о коихъ сохранились въ академіи преданія ¹⁾).

24-го числа былъ совершенъ обычный благодарственный молебенъ, и начались для насъ каникулы.

25-го числа писалъ я въ Муромъ протоіерею М. Г. Троепольскому:

„Въ сихъ строкахъ примите отъ меня позднее, но усерднѣйшее поздравленіе васъ съ Монаршею милостію. Отъ души порадовался я, когда услышалъ, что ваше имя состоитъ въ ряду особъ, удостоенныхъ Высочайшей награды: по тѣснымъ обстоятельствамъ, предшествовавшимъ экзамену, рѣшительно не позволили мнѣ изъяснить предъ вами это чувство въ надлежащее время. У насъ экзаменъ—это то-же, что бывало въ Муромѣ пріѣздъ Преосвященнаго, и даже гораздо болѣе. Еще недѣли за три началась предъуготовительная работа. Признаюсь, моею бѣдной памяти, привыкшей въ теченіи шести лѣтъ къ совершенной почти праздности, не легко обошлись эти три недѣли. Но, благодареніе Господу, труды мои не остались безъ награды. Экзамены, какъ частный, такъ и общій, сданы очень счастливо.

Отъ высокопреосвящ. Митрополита, съ которымъ два раза довелось мнѣ бесѣдовать на общемъ экзаменѣ лицомъ къ лицу, заслужилъ одобреніе.

¹⁾ Объ академич. экзаменахъ, въ присутствіи м. Филарета см. статью въ *Чт. общ. ист. и древн. Росс.* 1877 г. кн. 2 „О Филаретѣ М. Моск. моя память“,— еписк. *Никодима* (Казанцева), IV.

Конференція, въ награду за мои годичные труды, удостоила меня 11-аго № въ первомъ разрядѣ. Послѣ сего, согласитесь сами, не долженъ ли я съ благоговѣніемъ признать въ обстоятельствахъ моей жизни премудрую и всеблагую волю Того, отъ лица Коего исходитъ судьба всѣхъ земнородныхъ“?

23-го іюня окончились всѣ наши школьныя дѣла. 24-го служили благодарный молебенъ.

25-го, въ день Муромскихъ чудотворцевъ, Господь сподобилъ меня отслужить литургію въ Успенскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ нашимъ начальствомъ. Не разъ пробѣжалъ я воспоминаніемъ обстоятельства этого дня. Что-то, думалъ я, совершается въ любезномъ Муромѣ? Конечно то-же, что и прежде, то есть, такъ же трудятся надъ молебнами, съ такою же торжественностію совершается Божеств. служеніе, такое же собраніе въ домѣ достопочтеннѣйшаго о. протоіерея и наконецъ то-же пріятное успокоеніе отъ продолжительныхъ трудовъ.

26-го числа отправился я на родину. Путь мой лежалъ чрезъ городъ Юрьевъ. Здѣсь я остановился на ночлегъ въ домѣ дальняго родственника по Мурому, соборнаго протоіерея Александра Ивановича Соловьева, который принялъ меня съ большимъ радушіемъ, хотя прежде мы съ нимъ, кажется, и не видались. О. Соловьевъ такъ же, какъ и я, былъ вдовъ; жизни онъ строгой и воздержной, отличался притомъ примѣрною исправностію по службѣ.

Въ Юрьевѣ же встрѣтилъ я своего товарища и сверстника по Шуйскому училищу и семинаріи Александра Петровича Минервина. Онъ окончилъ курсъ съ званіемъ студента и, какъ обладавшій хорошимъ басистымъ голосомъ, сначала опредѣленъ былъ діакономъ, а затѣмъ назначенъ священникомъ къ градской Введенской церкви.

Изъ Юрьева пробѣжалъ я чрезъ Гавриловъ посадъ въ Иваново.

Пробывши здѣсь нѣсколько дней, посѣтилъ за тѣмъ въ Горлицахъ сиротъ: былъ въ своей отчизнѣ—селѣ Палехѣ, видѣлся съ родными Хотимльскими: вездѣ былъ принятъ ласково-радушно. На обратномъ пути съ родины былъ во Владимірѣ, представлялся владыкѣ Паренію, встрѣтился тамъ съ товарищемъ Быстрицкимъ; вмѣстѣ съ нимъ отправились мы въ академію и по пути посѣтили моего Абакумов-

1847 г. скаго друга, о. Граменицкаго. 19-го августа я былъ уже въ академіи и писалъ на другой день Ивановскимъ роднымъ:
„Дражайшіе мои родные!

Всѣмъ вамъ приношу мою усерднѣйшую благодарность за ваше радушіе, за вашъ ласковый привѣтъ и гостепріимство, а болѣе всего за ваше доброе ко мнѣ расположеніе. Но послѣдній вашъ поступокъ относительно меня—дальнее провожаніе, особенно для меня чувствителенъ: въ этомъ ясно вижу я все ваше усердіе и любовь ко мнѣ.

Напутствованный вашими благожеланіями, я возвратился въ св. обитель лаврскую, слава Богу, благополучно. Вотъ подробности моего путешествія. О томъ, какъ я доѣхалъ до Суздаля, вамъ, конечно, уже извѣстно. Пробывши около трехъ часовъ въ Суздаль, я отправился, въ сопровожденіи двухъ особъ разныхъ сословій, на тройкѣ ямскихъ лошадей и въ 6-ть часовъ вечера благополучно прибылъ во Владиміръ.

На другой день вечеромъ былъ я у Преосвященнаго. Владыка принялъ меня благосклонно; обо многомъ разспрашивалъ, и между прочимъ спросилъ гдѣ я гостилъ? Въ отвѣтъ на это я перечислилъ ему всѣхъ моихъ родственниковъ.

16-го въ 10-ть часовъ утра я выѣхалъ, вмѣстѣ съ Григорьемъ Петровичемъ Быстрицкимъ, изъ Владиміра. Подводу наняли за 8 р. только до Липни, въ намѣреніи пробыть здѣсь нѣсколько времени. Въ 7-мь часовъ вечера мы были уже въ Липнѣ. Михаилъ Дмитріевичъ обрадовался намъ, какъ нельзя больше, угощалъ насъ со всѣмъ дружескимъ усердіемъ; просилъ погостить подольше: но я никакъ не могъ пробыть у него болѣе сутокъ“...

Въ послѣднихъ числахъ августа писалъ я въ г. Юрьевъ къ протоіерею А. И. Соловьеву:

„Долгъ имѣю принести вамъ усерднѣйшую благодарность за оказанное мнѣ гостепріимство.

Если-бы я возвращался съ родины тѣмъ-же путемъ, какимъ ѣхалъ изъ лавры: то, конечно, уже не проѣхалъ-бы мимо васъ: но обстоятельства расположили меня совершить обратный путь чрезъ Владиміръ. Во Владимірѣ довелось мнѣ быть довольно долго—отъ 12-го до 16-го августа. Видѣлся здѣсь со всѣми родными. Былъ у Преосвященнаго. Владыка принялъ меня благосклонно; довольно долго бе-

сѣдовалъ со мною, и между прочимъ одобрялъ мою рѣши- 1847 г
мость оставить мѣръ въ пользу наукъ.

Въ лавру возвратился я 19-го августа, слава Богу, благополучно. Продолжительное и пріятное путешествіе значительно возстановило тѣлесныя и вмѣстѣ съ тѣмъ оживило душевныя мои силы. Благодаря усердію всѣхъ моихъ родныхъ, я провелъ вакаціальное время очень весело и пріятно. Объ одномъ только сожалѣю:—не удалось быть въ Муромѣ.

У насъ и теперь почти еще вакація: серьезнаго дѣла никакого нѣтъ; сочиненія до сихъ поръ не даютъ, а безъ него какъ будто и дѣлать нечего въ академіи. Читаешь, конечно, книги; но это чтеніе какъ будто безъ цѣли, когда прочитаннаго не къ чему приложить.

По пріѣздѣ моемъ въ академію, у насъ случилось одна только новость, но за то весьма интересная, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне непріятная. 19-го числа прошедшаго мѣсяца, въ самый день моего пріѣзда, одинъ изъ старшихъ студентовъ, возвратившись съ родины, но не являясь еще въ академію, въ кельѣ одного лаврскаго послушника, расположился привести въ исполненіе заранѣе имъ обдуманнѣйшій ужасный замыселъ противъ самого себя: однимъ ударомъ изъ пистолета пресѣкъ, несчастный, собственную жизнь. Но такъ какъ, по учиненному слѣдствію, этотъ противуестественный поступокъ признанъ былъ слѣдствіемъ продолжительной и сильной ипохондріи: то и свидѣтели сей ужасной сцены освобождены были отъ суда,—и самъ погибшій не лишенъ былъ христіанскаго погребенія.

Вотъ еще новость. Въ лавру ожидаютъ на слѣдующей недѣлѣ высокаго посѣтителя, Великаго Князя Михаила Павловича.

Съ глубочайшимъ къ вамъ почтвеніемъ честь имѣю пребыть М. д. ак. студентъ, священникъ Іоаннъ Тихомировъ“.

По поводу прискорбнаго событія со студентомъ Куняевымъ была очень серьезная переписка у Митрополита съ лаврскимъ памѣстникомъ и ректоромъ академіи (см. *Письма Филарета къ архим. Антонію*, ч. 2, М. 1878 г. стр. 330—337;—*къ архимандр. Алексію* отъ 20, 22 и 26-го авг. 1847 г. Москва, 1883).

1847 г.

Со второй половины августа начались въ академіи обычныя лекціи. Освѣженный и укрѣпленный въ силахъ довольно продолжительнымъ и пріятнымъ путешествіемъ на родину, я предался съ повою ревностію, съ большею энергіею любимымъ наукамъ. Я съ одинаковою любовію занимался всѣми науками, исключая математики, которая сдѣлалась для меня недоступною еще въ началѣ курса по той причинѣ, что я по болѣзни опустилъ нѣсколько классовъ сряду; а между тѣмъ математика, какъ извѣстно, такая наука, которая не терпитъ ни малѣйшаго перерыва въ занятіяхъ ею.

12-го сентября даны намъ были по классу исторіи философіи новѣйшихъ временъ слѣдующія темы:

- 1) „Философія Джіордано Бруно“.
- 2) „Сужденіе о Теодицеѣ Лейбница“.
- 3) „Борьба Якоби противъ идеализма Канта и Фихте и пантеизма Шеллинга“.

4) „Гербартъ и его школа“.

5) „О вліяніи Канта на современную философію“.

15 го числа дано было 12-ть темъ по исторіи философіи древнихъ временъ, — а именно:

1) „Разсмотрѣніе философскихъ мыслей—въ Индійскомъ законодательствѣ Ману“;

2)— „въ бесѣдахъ Кун-фу-дзы, записанныхъ въ книгѣ Люнь-юй“;

3)— „въ книгѣ Китайскаго философа Де-пей“;

4)— „въ Ручной книжкѣ Епиктета“;

5)— „въ письмахъ Сенеки къ Люцилію“;

6)— „въ басняхъ брамана Вишну-Сарма“.

7)— „Согласно-ли съ разумомъ то ученіе, — что рядъ конечныхъ причинъ и дѣйствій безначаленъ?“

8)— „что первобытное состояніе міра было неустроенное, и міръ мало по малу образовался въ теченіи вѣковъ?“

9)— „что родъ человѣческой первоначально былъ въ состояніи, подобномъ состоянію животныхъ, и потомъ, мало по малу, достигъ образованности?“

10) „Согласно-ли съ разумомъ ученіе Гегеля о прекращеніи личности души?“

11) „Сужденіе объ онтологіи Гегеля“.

12) „Есть-ли матерія только сдѣяніе силъ?“

Я избралъ 10-ю тему, т. е. „Согласно-ли съ разумомъ

ученіе Гегеля о прекращеніи личности души“, — и на сочиненіи, написанномъ на эту тему, подписано было профессоромъ Ѳ. А. Голубинскимъ: „довольно хорошо“. 1847

23-го сентября писалъ мнѣ изъ Переславля Никитскій архимандритъ о. Нифонтъ:

„Батюшко о. Иванъ Михайловичъ!

Отъ сего племянника моего прошу принять въ рукописи переводъ св. пророка Исаи, — а прочее возъмѣйте терпѣніе поощждать.

Желаю дальнѣйшихъ успѣховъ; радуюсь, что вы одинъ изъ лучшихъ студентовъ академіи. Ей, отъ души радуюсь. Да укрѣпитъ васъ Господь Богъ своею благодатію на проходимомъ вами поприщѣ успѣшности.

Простите, помолитесь пр. Сергію о любящемъ Нифонтѣ“.

Переводъ пророка Исаи, о которомъ упоминается въ письмѣ, о. Нифонтъ прислалъ мнѣ въ вознагражденіе за мои тетради, отобранныя имъ у меня въ 1842 г., по требованію начальства, — о чемъ выше было сказано. Въ послѣдствіи доставлены были о. Нифонтомъ мнѣ и прочія ветхозавѣтныя книги въ русскомъ переводѣ прот. Павскаго.

Скажу здѣсь мимоходомъ о неурядномъ событіи, случившемся въ нашемъ маломъ студенческомъ мірѣ монашескомъ. Насъ жило въ кельѣ только трое: недавно постриженный въ монашество и посвященный въ іеродиакона Серапіонъ, іеромонахъ Моусей, пріѣхавшій вмѣстѣ со мною въ академію изъ Ставрополя на Кавказѣ, но поступившій прямо на старшій курсъ, — и я. Серапіонъ вздумалъ вести аскетическую жизнь: каждый день бывалъ за всѣми службами, ежедневно почти посѣщалъ избраннаго имъ духовнаго старца, лаврскаго іеромонаха Тихона, соблюдалъ строгое воздержаніе въ пищѣ; между тѣмъ своемъ школьнымъ дѣломъ пересталъ вѣсье заниматься. Разъ приходитъ къ намъ въ келью (это было осенью еще 1846 г.) инспекторъ о. Евгеній и, обрадившись къ Серапіону, спрашиваетъ его, написалъ ли онъ заданное сочиненіе или проповѣдь; и когда тотъ, сконфузившись, отвѣтилъ отрицательно, о. Евгеній сдѣлалъ ему приличное внушеніе. Серапіонъ, оскорбившись замѣчаніемъ инспектора, на другой-же день началъ что-то писать. Мы съ о. Моусеемъ съ удивленіемъ видимъ, что Серапіонъ нишего день и почъ, и не понц-

1847 г. масмъ, откула вдругъ явилось такое обиліе мыслей и выраженій; между тѣмъ онъ по прежнему продолжалъ ежедневно ходить къ службамъ. Наконецъ, физическая природа его не выдержала, силы его истощились, и въ немъ стали обнаруживаться признаки умопомѣшательства. Сначала помѣстили его въ академическую больницу, но здѣсь онъ не получилъ никакой пользы. Наконецъ, его отправили въ Москву, въ домъ умалишенныхъ. Пробывши тамъ около полугода, онъ возвратился весной 1847 г. въ академію совершенно здоровымъ физически, но поврежденнымъ нравственно: сталъ предаваться нетрезвости, и вслѣдствіе сего былъ удаленъ изъ академіи безъ всякой ученой степени.

Когда Серапіонъ отправленъ былъ въ Москву, я пересмотрѣлъ написанныя имъ тетради. Я думалъ найти въ нихъ какую-нибудь ученую диссертацию, но, къ удивленію, увидѣлъ въ нихъ автобіографію Серапіона, преисполненную всякихъ мелочей и гадостей. Не думавши долго, я бросилъ эти тетради въ печь.

Когда помянутый выше руководитель въ монашеской жизни іеродіаконъ Серапіонъ, іеромонахъ Тихонъ скончался и о его смерти донесено было Митрополиту, Владыка въ письмѣ къ намѣстнику лавры, архимандриту Антонію отъ 5-го сентября 1847 г. писалъ: „Миръ душѣ отца Тихона. Но вотъ когда вспомнилъ я сказать, что давно хотѣлъ. Академическій іеродіаконъ избралъ себѣ наставникомъ въ духовной жизни Тихона: и повредился въ умѣ. Хорошо, что ищутъ наставника: но надобно смотрѣть, чтобы наставлять брались способные къ сему ¹⁾“.

19-го октября писалъ я въ Муромъ къ свояку своему, священнику Крестовоздвиженской церкви Якову Андреевичу Силецкому:

„Столь продолжительное безмолвіе ваше, вопреки данному обѣщанію, я почелъ было за совершенное съ вашей стороны забвеніе родственныхъ между нами отношеній; и эта мысль навсегда утвердилась бы во мнѣ, если-бы подательница сего письма не утвердила меня въ вашемъ прежнемъ ко мнѣ расположеніи. По ея словамъ, вы когда-то писали

¹⁾ Письма митроп. Филарета къ архим. Антонію, ч. 2, М. 1878 г. стр. 344.